

Милана Седина

Юнона Стангард

МОЙ ХОККЕИСТ

Финальная смена

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Финальная смена

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Финальная смена / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

«Ты кончился!» — бросает спортивный директор в лицо капитану «Металлурга». Родиону Варламову тридцать восемь, и его последний сезон хотят закончить прямо в перерыве матча. Я, Ксения Родионова, кинезиолог команды, встаю между ним и человеком, который готов списать легенду. Даю себе сорок минут, чтобы вернуть Родиона на лёд, и ставлю на кон собственную карьеру. Только я не рассчитывала, что этот суровый хоккеист будет целовать мои усталые руки и защищать меня с той же яростью, с какой защищает команду. Теперь ему нужен последний чемпионский кубок, а мне — право остаться рядом. Но наш роман становится оружием в руках директора, и за каждый шаг друг к другу придётся бороться.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорок минут, чтобы спасти капитана	6
Глава 2. Только для тебя	9
Глава 3. Под моей защитой	13
Глава 4. Территория покоя	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой хоккеист. Финальная смена

Мой хоккеист. Финальная смена
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1. Сорок минут, чтобы спасти капитана

Бетонный тоннель под западной трибуной арены «Металлург» дышал сыростью, машинным маслом и запахом подтаявшего льда. Сквозь толщу перекрытий глухо вибрировал рев двадцати тысяч зрителей. Табло горело провальными цифрами: 1:3 в пользу омского «Авангарда». Шел второй перерыв регулярного матча, и воздух в подтрибунье был до предела пропитан адреналином и предчувствием надвигающейся беды.

Я шагнула из реабилитационного бокса на черную рифленую резину коридора, прижимая к груди планшет с графиками функциональной миографии.

И тут же мой слух резанул визгливый, срывающийся голос:

— Подписывай, я кому сказал! Живо черкай, пока по-хорошему предлагают!

За поворотом спортивный директор клуба Вадим Селезнев тряс белым гербовым листом перед лицом капитана команды. Дорогое пальто нараспашку, галстук набок, по бокам — двое плечистых охранников.

А напротив, привалившись к стене, стоял Родион Варламов.

Капитан. Легенда «Металлурга». Человек, чью фамилию город скандировал последние пятнадцать лет.

Он был в полной игровой амуниции, шлем лежал на полу. Мокрые пепельные волосы липли ко лбу, по иссеченному мелкими шрамами лицу катил тяжелый пот, а серые глаза казались выцветшими от боли. Правый конек неестественно подворачивался внутрь — капитан едва удерживал равновесие, вцепившись побелевшими пальцами в клюшку.

— Сюда нельзя, девушка. Идет совещание дирекции, — охранник шагнул мне навстречу, выставив ладонь.

Я не сбавила шаг. Ребром металлического планшета я коротко и жестко ударила снизу вверх по предплечью секьюрити, сбивая блок точно в проекцию лучевого нерва.

— Шаг назад, — я вскинула бейдж с золотой голограммой эксперта КХЛ. — Препятствование медицинскому персоналу в игровой зоне — штраф клубу в пятьсот тысяч рублей и дисквалификация службы охраны. Прочь с дороги.

Охранник опешил и отступил. Я встала в полуметре от директора.

Селезнев тыкал сложенным договором в массивный нагрудник Варламова:

— Ты кончился, Родя! Твое колено в труху стерто! Получаешь тридцать миллионов и возишь навоз по площадке! Завтра прилетает канадский центрфорвард, его контракт уже в бухгалтерии. Освобождай раздевалку прямо сейчас! Соглашение сторон, выплата двух окладов — и гуляй на пенсию!

Варламов медленно поднял тяжелую крагу. Его челюсти сжались так, что желваки вздулись буграми. Двумя пальцами он перехватил бумагу, смял в бесформенный комок и уронил под ноги директору.

— Ах ты ветеран недобитый!.. — Селезнев побагровел. — Я тебя с волчьим билетом по профнепригодности спишу! Петрович подпишет акт о полном разрушении хряща! Ни один клуб Вышки тебя даже коньки точить не возьмет!

— Закройте рот, господин Селезнев, — отчетливо произнесла я.

Директор окрысился:

— Что?! Пошла вон, массажистка! Твоего мнения никто не спрашивал! В медпункт марш!

Я развернула к его лицу светящийся экран планшета:

— Я ведущий кинезиолог и биомеханик команды, господин Селезнев. А это — протоколы телеметрии Варламова. Потрудитесь взглянуть: ударный объем сердца — сто двадцать миллилитров, резерв миокарда как у двадцатилетнего. А хромота вызвана не разрушением колена, о котором напел перестраховщик Дорохов, а острым рефлекторным спазмом грушевидной мышцы! Она зажала седалищный нерв при падении у борта. Коленный сустав интактен, связки целы!

В коридоре повисла тишина. Варламов перевел на меня тяжелый, немигающий взгляд, в котором сквозь пелену муки блеснуло удивление.

Селезнев растерянно моргнул, но тут же зашипел:

— Чушь! Он ногу волочит! До конца перерыва считанные минуты! Если он выйдет хромым и привезет еще шайбу, я лишу тебя лицензии через дисциплинарную комиссию КХЛ с запретом на профессию!

— Если через сорок минут Варламов не побежит быстрее вашего канадца, я сама положу заявление на стол, — я заглянула прямо в налитые кровью зрачки директора. — Но если он вытащит этот матч — вы лично принесете извинения перед всей раздевалкой. Время пошло. Очистите коридор.

Селезнев дернул ворот рубашки, наткнулся на лед в моих глазах и отступил:

— Ровно сорок минут, Родионова. Потом вызываю комиссара матча.

Они скрылись в лифте. И в ту же секунду из раздевалки донесся грохот опрокинутой скамьи и крик:

— Уберите руки! Не выйду я больше, слышите?! Не выйду!

* * *

Я влетела в командную раздевалку.

Двадцатилетний Денис Сомов — наш реактивный нападающий, правый край ударной тройки — сидел на резиновом полу, с остервенением сдирая правый конек:

— Горит! Адски горит! Лезвие плывет на вираже, я дважды упал на ровном месте! Меня в дубль сошлют!

Над ним нависал пожилой мастер по заточке дядя Боря с бруском в руке:

— Дэн, не дури! Сейчас желобок на десятку углублю, и поедешь как по рельсам!

— Стоять! — я опустилась на колени перед Сомовым. — Руки от конька! Денис, посмотри на меня. Дыши спокойно. Не торопись.

Я распустила шнурки, сдернула конек и термоносок. Ступня была пунцовой, сухожилия натянуты струнами. Приложив портативный плантограф к голой подошве, я вывела на планшет карту давлений. Пурпурное пятно перегрузки сползло под внутренний край пятки.

— Смотри сюда, — я повернула экран к его лицу. — Завал продольного свода стопы на двенадцать градусов внутрь. Подошвенный апоневроз перегружен, камбаловидная мышца в судорожном блоке. Связки целы. Дело в железе. Дядя Боря, шестигранник номер четыре и ключ!

— Да желоб надо резать! — заворчал старик.

— Углубите желоб — намертво заблокируете подтаранный сустав на вираже! Парень головой в борт влетит! Лезвие требует смещения на два миллиметра кнаружи от продольной оси ботинка. Живо ключ!

Мастер сунул мне инструмент. Я перевернула ботинок с титановым стаканом «Туук». Передний винт поддался с тугим заводским щелчком.

Я вставила ключ в заднюю стойку. Шестигранник провернулся с пугающей, маслянистой легкостью.

Сердце екнуло. Тонким пинцетом я выкрутила болт наружу и поднесла к лампе.

На матовой титановой резьбе, в двух миллиметрах от шляпки, отчетливо темнел свежий, идеально ровный косой пропилен алмазным надфилем. Металл держался на тончайшей перемычке в полмиллиметра. Я медленно провела подушечкой пальца по острому алмазному спилу: чужая рука расчетливо вымерила глубину так, чтобы при первом же предельном силовом вираже головку болта срезало с мясом, сорвав стакан с заклепок и вывернув лезвие поперек стопы на скорости сорок километров в час. Разрыв синдесмоза и перелом лодыжки были предпрешены с математической жестокостью.

— Господи... — прошептал дядя Боря, бледнея. — Это ж убьет парня на льду...

— Молчите, — тихо оборвала я. Пинцетом я опустила спиленный титановый винт в пластиковый лабораторный контейнер с винтовой крышкой, запечатала самоклеящейся лентой со штрихкодом КХЛ и убрала во внутренний карман жилета на молнию. — Это улика, дядя Боря. Никого пока не предупреждайте. Сначала дадим службе безопасности сохранить камеры и разобраться, кто трогал коньки. Вам ясно?

Мастер испуганно закивал.

Запасных титановых винтов с редкой дюймовой резьбой у старика не было. Времени оставалось совсем мало.

Я достала из кейса титановый штифт скелетного вытяжения, ручным калибратором за сорок секунд нарезала три витка резьбы, капнула каплю синего анаэробного фиксатора и загнала в гнездо с усилием в двадцать пять ньютон-метров, сместив лезвие наружу на два с половиной миллиметра. Стакан сел намертво.

— Теперь икра, — я уложила голень парня себе на колено, нащупала под головкой малоберцовой кости раскаленный желвак камбаловидной мышцы и навалилась основанием ладони.

Денис взвыл:

— А-а-а-а!..

— Терпи! Выдыхай боль!

Семь секунд. Десять. Под пальцем каменный узел волокон дрогнул и мягко распустился. Спазм ушел.

Сомов торопливо натянул ботинок, зашнуровал и встал на резиновый мат. Присел, сделал выпад. Лицо озарилось чистым изумлением:

— Не болит... Лезвие как влитое!

— Слушай меня, Денис, — я притянула его за нагрудник. — Варламов сейчас в процедурном. В третьем периоде забираешь всю силовую борьбу у бортов на себя. Освободи капитана от опеки в средней зоне. Понял?

— Я зубами этот лед сгрызу за Родю, — выдохнул Сомов. — И за вас.

Глава 2. Только для тебя

В тоннеле возле реабилитационного бокса главврач Аркадий Петрович Дорохов уже суе-
тился вокруг Варламова со шприцем мутной суспензии:

— Родя, сынок, дипроспанчик с новокаином прямо в суставную сумку вгоним, нерв замо-
розим — отбегаешь третий период!

Капитан привалился к косяку, глядя на иглу мертвым взглядом.

Я подлетела прежде, чем колпачок слетел с иглы. Короткий взмах руки — и шприц со
звоном улетел в урну для медицинских отходов.

— Блокада без повторного осмотра?! — мой голос хлестнул по коридору. — Вы хотите
ввести кортикостероид в сустав перед предельной нагрузкой?! Он сделает вираж и сотрет хрящ
в кашу! Вы сознательно делаете его инвалидом ради одной смены?!

— Да как ты смеешь!.. Я снимаю с себя ответственность! Под суд пойдешь! — завизжал
Дорохов и торопливо посеменил прочь.

Тишина сомкнулась над нами. Родион тяжело втянул воздух:

— Ксюша... Я двадцать лет на уколах. Если железо не держит — брось. Не ломай жизнь
из-за меня. Выйду, лягу под броски на пятаке...

Я подошла вплотную. Ощутила кожей жар его разгоряченного тела, запах ментоловой
мази и горького мужского пота. Положила ладонь прямо на центр его массивной груди, поверх
капитанского свитера с литерой «С». Сердце под моими пальцами колотилось яростно и
мощно.

— Ты не ляжешь под шайбу, Родион. Ты выйдешь на двух ногах и победишь. Доверься
мне.

Варламов замер. Поднял огромную шершавую ладонь и бережно накрыл мои пальцы,
прижимая к груди:

— Веди, доктор. Мое тело в твоём распоряжении.

Из конца коридора вынырнули клубные блогеры с телефонами:

— Варламов! Селезнев заявил, что контракт расторгнут! Вы уходите?!

Родион шагнул вперед, закрыв меня своей двухметровой фигурой, и рывкнул сокруши-
тельным басом:

— Камеры убрали! Ответы увидите на табло через тридцать минут! Вон!

Он втянул меня в бокс и с грохотом защелкнул массивный засов. Шум арены отрезало
напрочь.

В процедурном горел мягкий рассеянный свет, тихо гудел компрессор.

— Свитер, защиту, термобелье — на кушетку, — скомандовала я, надевая перчатки. До
сирены оставалось несколько минут.

Родион сбросил краги, нагрудник и терморубашку.

У меня перехватило дыхание.

Передо мной стоял мужчина, выкованный из стали и боли. Колоссальные плечи, рельеф-
ные пласты груди, стальной пресс, узкие бедра — и паутина боевых отметин: белесые шрамы от

коньков, следы операций на ключицах, темные гематомы. От его кожи исходил густой мускусный жар.

Сделав вдох, я капнула на ладони миндального масла, согрела его и подошла к массажному столу:

— На живот. Поясницу расслабить.

Я положила руки на его крестец. Мышцы напоминали чугунную плиту.

— Родион, не борись со мной, — я наклонилась к его виску, шепча на выдохе: — Выдохни... Отпусти напряжение мне в ладони. Сдайся мне.

Он шумно выдохнул, плечи опустились. Поймав фазу расслабления, я погрузила пальцы глубоко в ткани ягодицы.

Под пальцами отозвался твердый, как натянутый трос, воспаленный тяж. Грушевидная мышца была укорочена, намертво пережимая ствол седалищного нерва.

— Нашла. Сейчас будет больно. Держись.

Я навалилась основанием ладони, выполняя глубокий фасциальный релиз.

Варламов глухо зарычал в подушку. Его пальцы с такой силой впелись в стальные ножки кушетки, что металл заскрипел. На затылке вздулись вены, но он не шелохнулся.

— Терпи, мой хороший, терпи... Еще секунду...

Под рукой раздался влажный щелчок расходящихся спаек. Мышечный узел словно растаял. Волна тепла хлынула вниз по его бедру. Родион шумно всхлипнул и обмяк.

— Вставай, — выдохнула я. — К поручням. Нужна осевая тракция.

Он поднялся, уперся руками в поручни у стены. Я прижалась своим бедром к его тазу, обхватила поясницу:

— Пятку в пол! На выдохе — резкий толчок тазом вправо! Выдох!

Я всем весом увлекла его сустав в тракционное смещение. Глухой щелчок в тазобедренном сочленении прозвучал как выстрел. Седалищный нерв вырвался из капкана.

Варламов перенес вес тела на правую ногу и ошеломленно замер:

— Не стреляет... В пятку не бьет...

— Садись, заармируем связку.

Спиртом я обезжирила кожу вокруг колена, достала рулон темно-синего кинезиотейпа с кевларовыми микронитями и с натяжением в восемьдесят процентов наложила ленты по спирали Фибоначчи, создав наружный анатомический каркас.

Разглаживая последний луч на внутренней стороне бедра, я ощутила жар его обнаженной кожи. Рука дрогнула, задержавшись на секунду дольше нужного.

И в этот миг широкая мозолистая ладонь Родиона властно накрыла мои пальцы.

Я подняла голову. В его серых глазах горел темный, обжигающий огонь.

— Три года, — глухо произнес он. — Три года я не чувствовал этой ноги, Ксюша. У тебя руки святой.

Он сжал мои запястья и медленно прижал мои ладони к своей обнаженной груди, прямо над сердцем. Оно билось как тяжелый кузнечный молот. Воздух между нами застыл.

— Скажи мне, что сделать, — прошептал он, глядя в мои губы. — Я разнесу эту арену в щепки.

Я сжала пальцы на его ключице, отвечая на его взгляд:

— Выйди туда. И победи. Ради нас с тобой.

Варламов медленно отпустил мои руки, и на его губах появилась хищная улыбка:

— Сделаю.

В этот миг взревела сирена. Пол задрожал от рева трибун. Родион застегнул щитки, натянул капитанский свитер, опустил забрало шлема и сделал резкий выпад на синтетическом покрытии. Нога держала мертво.

— Как литая. Открывай калитку, доктор.

* * *

Я стояла у открытой калитки борта в тренерском створе. На планшет шли радиосигналы с трех датчиков миографии под наколенником Родиона.

Арена кипела. Счет 1:3 давил на плечи свинцом. До конца матча оставалось двадцать минут. Я подняла глаза к куполу арены: высоко над трибунами, за бликующим стеклом директорской ложи, застыл темный силуэт Селезнева. Спортивный директор неотрывно смотрел сверху вниз на площадку. Его неподвижный силуэт напоминал мне, чем директор грозил в тоннеле.

— Первая тройка, на лед! — скомандовал тренер.

Варламов перемахнул через борт. На дисплее кривая мышечного тонуса скакнула в желтый сектор — подсознательный страх заставлял ветерана рефлекторно укорачивать толчок.

Я высунулась через борт и закричала сквозь вой стадиона:

— Родион! Загружай ягодичную! Толчок через пятку! Раскрой бедро!

На вираже он услышал. Таз сместился на полтора сантиметра назад, лезвие правого конька под идеальным углом срезало крошево — и график на планшете выровнялся в чистый изумрудный сектор!

После смены тренер дернул Родиона за рукав:

— Родя, посиди, Сомов пойдет в центр!

Я вклинилась между тренером и калиткой:

— Валерий Николаевич, стабильность сто процентов, пульс в аэробной зоне! Снимете капитана — отдадите игру! Выпускайте его, он их разорвет!

Тренер выругался и махнул крагой:

— Родя, обратно! Держи центр!

Спустя минуту началась война. Защитник «Авангарда» Коршунов — двухметровый тафгай — на полной скорости покатил на перехват Варламова, умышленно выставляя колено вперед. У меня внутри все оборвалось.

Но Родион не дрогнул. За долю секунды до удара он занизил центр тяжести, включил квадрицепс и выставил каменное плечо.

Грохот сотряс трибуны. Тяжелое стекло перед моим лицом задрожало. Коршунов со стоном рухнул на лед, его клюшка с треском переломилась пополам в десяти сантиметрах от моих глаз! А Варламов, даже не покачнувшись, подхватил шайбу.

— Пасуй вразрез! — крикнула я. — Слева коридор!

Родион слепым пасом через борт швырнул шайбу на ход Сомову. Денис влетел в зону, качнул вратаря и хлестким щелчком вколотил шайбу под блин!

Красный фонарь! Рев трибун! 2:3!

За пять минут до sireны судья удалил нашего защитника за задержку. Меньшинство 4 на 5. Варламов тяжело дышал у борта. Я хотела жестом попросить тренера побережь капитана, но Родион покачал головой:

— Я пацанов не брошу.

И перемахнул через борт. Омск устроил расстрел ворот. На последней минуте меньшинства щелчок от синей линии летел в пустой угол. Варламов бросился рыбкой плашмя на лед, блокируя бросок телом. Шайба со звоном отскочила от его щитка в среднюю зону. Сомов подхватил снаряд, убежал один на один и вогнал под перекладину!

3:3 в меньшинстве! Арена ходила ходуном!

За восемнадцать секунд до sireны судья дал тайм-аут. Родион докатил до калитки и тяжело опустился на скамью. Мышца горела от перегрузки. Я выхватила баллон криоспрея, опустилась на колени и направила ледяную струю под наколенник.

Из служебного прохода к стеклу подбежал взбешенный Селезнев, колотя кулаком по пластику и крича комиссару:

— Нарушение регламента! Она лечит на скамейке! Удалите девку с арены!

Я даже не повернула головы. Закончив обработку, подняла глаза на Родиона. Он сидел, уронив локти на колени.

— Родион. Ты быстрее их центра на две десятых секунды. Выиграй точку и бросай сам. Ты чемпион.

Варламов поднял тяжелую мокрую крагу, накрыл мою щеку и заглянул в душу:

— Для тебя, Ксюша. Только для тебя.

Финальное вбрасывание в зоне Омска. Двенадцать секунд до конца.

Судья бросил шайбу. Канадец попытался сыграть грязно, рубанув Варламова черенком клюшки по голенищу конька.

Но кевларовый каркас выдержал! Нога Родиона стояла как гранитная скала. Коньком он подбил шайбу себе на крюк, финтом уложил защитника на лед и сокрушительным кистевым броском вогнал шайбу в правую девятку под самую перекладину!

Звякнула сталь. Сетка вздулась. Вспыхнул красный фонарь!

И sireна утонула в апокалиптическом реве двадцати тысяч человек!

4:3! Мы победили! Путевка в плей-офф наша!

Вся скамейка высыпала на лед, сбивая капитана в кучу-малу. А Родион сквозь частоклолюшек смотрел только на меня через прозрачный борт. И в его глазах блеснули слезы.

Я стояла у калитки, плача от счастья и сжимая в кармане запечатанный контейнер со спилленным винтом. Мы выиграли этот бой. Но война только начиналась.

Глава 3. Под моей защитой

Финальная сирена еще звенела в ушах, а коридоры подтрибунного сектора уже содрогались от победного рева. Команда ввалилась в раздевалку, сшибая краги о стены, обливаясь водой и адреналином.

Я торопливо прошла в свой процедурный блок, захлопнула тяжелую дверь и привалилась к ней спиной. Пальцы мелко дрожали от бешеного нервного отката. Достав из нагрудного кармана запечатанный пластиковый контейнер со спиленным титановым винтом, я опустила его в нижнюю ячейку медицинского сейфа. Щелкнул электронный замок, вспыхнул зеленый диод кодовой панели. Главная улика против саботажников была укрыта за толстой бронированной сталью. Селезнев не простит сегодняшнего триумфа: его хищный взгляд за стеклом директорской ложи обещал безжалостную месть, но теперь у меня был в руках железный аргумент.

В коридоре слышались тяжелые, пружинистые шаги. Никакой хромоты. Дверь тихо отворилась.

На пороге стоял Родион. Он уже успел сбросить мокрую игровую форму, надев темные тренировочные брюки и клубное черное худи с закатанными до локтей рукавами. Мокрые пепельные волосы зачесаны назад, на скуле темнела свежая ссадина, а в серых глазах горел тот самый спокойный, непобедимый огонь вожака.

— Не спишь, доктор? — его низкий голос мягко раскатился по комнате, вызвав сладкую дрожь вдоль позвоночника.

— Телеметрию сохраняю, — я попыталась улыбнуться, но пальцы соскользнули со стекла планшета.

Родион шагнул внутрь, повернул защелку на двери, подошел вплотную и накрыл мои ледяные ладони своими огромными, пышущими жаром руками. Тепло его кожи прошло меня насквозь до самых ключиц, мгновенно снимая каменный спазм в плечах.

— Как колено, капитан? — тихо спросила я, заглядывая в его лицо.

— Как новое, Ксюша. Стабильность сто процентов, — он чуть сжал мои пальцы, и в его взгляде плеснула такая бездонная нежность, от которой перехватило дыхание. — Ты сегодня совершила чудо. Спасла не просто сустав — спасла мою последнюю весну в хоккее.

— Ты вытащил игру сам, Родион. Твое тело откликнулось на баланс.

— Без твоих рук ничего бы не было, — твердо оборвал он. — И ты это знаешь.

В коридоре с грохотом ударили кулаком в дверь, и возбужденный голос Дениса Сомова прокричал сквозь дерево:

— Капитан! Ксения Сергеевна! Вы где?! Вся первая пятерка уже в «Овертайме»! Петрович тост готовит, руководство требует команду к столу! Быстрее, без вас не начинаем!

Родион усмехнулся, не отпуская моих рук:

— Слышишь? Команда требует своего доктора. Идем, Ксюш. Ты заслужила этот триумф больше каждого из нас. Отпразднуем со всеми в спортбаре, примем их поздравления, а этой же ночью я увезу тебя за город, на лесное озеро. Туда, где никто не посмеет встать между нами.

Я глубоко вдохнула чистый, знакомый запах кедра и морозной силы, исходивший от его плеч, и кивнула:

— Идем, капитан.

Наша общая битва за кубок только начиналась, но этот вечер принадлежал нам.

* * *

Спортбар «Овертайм» при домашней арене «Металлург» гудел, как турбина на форсаже. Победа над «Авангардом» со счетом 4:3 после сумасшедшей концовки выплеснула в полутемный зал сотни литров адреналина, хмеля и победного рева. Пахло поджаренным на углях мясом, солодом и тем особым морозным духом, который хоккеисты приносят со льда на взмокающей экипировке.

Я сидела в дальнем углу VIP-ложи, утонув в мягкой коже дивана, и едва могла пошевеливать пальцами. Восемьдесят минут непрерывного контроля, предматчевое тейпирование, экстренная правка стопы Дениса Сомова в раздевалке во втором перерыве и бесконечное, на разрыв аорты, напряжение каждого нерва. Чашка чая с чабрецом давно остыла.

— Ксения Сергеевна, добрый вечер. Хотя для кого как.

Передо мной вырос Громов — ведущий юрисконсульт и правая рука директора клуба Селезнева. Безупречный серый костюм, узкий галстук и липкая, заученная полуулыбка.

— Регламент холдинга прозрачен, — процедил он, понизив голос. — Обслуживающему и медицинскому персоналу младшего звена не рекомендовано присутствовать на закрытых командных банкетах. Селезнев щепетилен в вопросах субординации. Не хотелось бы вносить ваше имя в служебную записку о нарушении этики.

Внутри всколыхнулась холодная волна. Усталость мгновенно сменилась предельной собранностью. Я выпрямила спину:

— Напомните, Громов, с каких пор ведущий кинезиолог с прямым контрактом от совета директоров и член комиссии КХЛ стал «младшим персоналом»? Передайте Селезневу: если в понедельник на моем столе не будет актов проверки оптического датчика, служебную записку напишу я. Вице-президенту лиги. С приложением данных о попытках фальсификации карт готовности.

Громов нервно дернул кадыком и попятился.

В этот миг толпа подвыпивших фанатов с программками прорвала цепочку стюардов у входа в ложу. Кружка со стола с грохотом полетела на пол, осыпав ковер осколками прямо у моих ног. Толпа качнулась вперед.

— Назад, мужики. Шаг назад, я сказал.

Голос прозвучал с чугунной тяжестью. Родион Варламов вырос перед столом гранитной скалой, заслонив меня двухметровой фигурой. Синий клубный блейзер сидел на его могучих плечах с безупречной военной строгостью. Он просто уперся ладонью в торец стойки и бросил свой фирменный ледовый взгляд:

— Дайте команде выдохнуть. Автографы на следующей открытой раскатке. Пропустите доктора.

Фанаты послушно отхлынули. Родион коротко оглянулся на меня, проверяя взглядом каждый сантиметр, и чуть заметно кивнул.

За столом уже шумела первая пятерка. Главврач Петрович суетливо промокал лысину платком:

— Классическая фармакотерапия! Моя камфорная мазь перед третьим периодом раскрыла микроциркуляцию! Опыт советской школы!

Сомов со стуком опустил стакан на дуб:

— Петрович, какая мазь?! Если бы Ксения Сергеевна мне в перерыве стакан конька ключом не повернула на два миллиметра и триггер в камбаловидной пальцами не раздавила, я бы связку оторвал! За Ксению Сергеевну!

— За Ксению! За нашего доктора! — грянул стол. Десять огромных кулаков грохнули по столешнице, заглушая Петровича.

Щеки обожгло краской. Но тут поднялся Родион. В ложе воцарилась тишина. Варламов стоял во весь рост, черты лица казались высеченными из серого уральского кремня. Он достал фирменный пакет и извлек новенький, пахнущий свежей шерстью игровой свитер «Металл-

лурга» темно-стального оттенка. На груди пламенел серебряный сокол, на плече белела капитанская «С», на спине горел номер семнадцать. А над номером золотом было вышито единственное имя: КСЕНИЯ.

— В таких свитерах мы идем на решающие битвы, — негромко произнес Родион, глядя мне прямо в глаза. — С этого дня ты — часть этого звена, Ксюша. Ты держишь наши спины. Пока я капитан, ни одна чиновничья крыса не посмеет усомниться в твоём праве стоять рядом с нами. Ты под защитой каждого игрока «Металлурга». И под моей личной защитой.

Он шагнул ко мне и бережно надел свитер через мою голову. Тяжелая ткань легла на плечи. Родион на секунду задержал ладони на моих ключицах, расправляя ворот. От его пальцев сквозь трикотаж хлынула такая волна тепла и мужской силы, что перехватило дыхание. Стальной свитер номер семнадцать стал моим священным талисманом — я знала, что надену его под пуховик у борта на полуфинале и не сниму до седьмого матча финала.

Зал взорвался аплодисментами. Краем глаза я увидела, как Громов вскинул смартфон, пытаясь снять ладони Родиона на моих плечах для доноса о «неустановленных отношениях». Но Сомов мгновенно перекрыл обзор широкой спиной в худи:

— Объектив запачкаешь, клерк. Топай к шефу, пока цел.

Громов растворился в дверях под свист команды.

Шумный командный банкет начал стихать лишь к полуночи. Когда восторженные тосты первой пятерки иссякли, а официанты принялись убирать со столов, Родион осторожно коснулся моего локтя и увлек меня прочь из переполненного бара в служебный коридор.

Мы спустились в медицинское крыло. Настенные часы в процедурном блоке показывали первый час ночи. Опустевшая арена погрузилась в гулкую, торжественную тишину, в тоннелях горел лишь дежурный свет. Я подошла к металлическому шкафу, ввела код и открыла сейф. Контейнер со спилленным винтом стоял на месте, пломба оставалась целой. Проверив ее, я снова заперла дверь.

Родион прикрыл тяжелую дверь на защелку, подошел ко мне и опустился на одно колено прямо у процедурного стола. Его огромные горячие ладони бережно накрыли мои озябшие пальцы.

— Спасибо тебе за все, Ксюша, — тихо, проникновенно произнес он, глядя мне прямо в глаза, и в его суровом взгляде блеснуло такое глубокое чувство, что у меня перехватило дыхание. — Ты вернула мне веру в тело и в жизнь. Селезнев теперь полезет напролом через регламенты и проверки, но пока я жив, пока я капитан — ни один волос не упадет с твоей головы. Ты под моей личной защитой.

Он поднес мою кисть к губам и трепетно поцеловал внутреннюю сторону запястья, где под кожей бился частый пульс. Тепло его губ отозвалось сладкой волной во всем теле, смывая накопившийся за вечер ледяной страх.

— Я верю тебе, капитан, — прошептала я.

— У команды два дня выходных, — Родион поднялся во весь свой исполинский рост, легко увлекая меня за собой. Он бережно набросил на мои плечи кашемировое пальто поверх подаренного стального свитера, подхватил мой медицинский дорожный кейс и крепко прижал меня к своему боку. — Мы едем сейчас же, ночью. В мой загородный дом у лесного озера. Там никто не достанет нас.

Перехватив дежурного администратора коротким: «Ксения Сергеевна едет со мной», капитан повел меня сквозь пустые переходы к закрытой подземной парковке.

Глава 4. Территория покоя

Тяжелая дверь черного внедорожника захлопнулась с глухим сейфовым звуком, начисто отсекая шум арены и слякоть города. В салоне пахло натуральной кожей, сандалом и сухим морозным воздухом.

Я опустилась на сиденье, чувствуя, как гудят мышцы. Рука по привычке потянулась к сумке за рабочим планшетом:

— Нужно перепроверить миограммы второй тройки... У Мартынова поплыла приводящая мышца бедра...

Широкая, теплая ладонь Родиона мягко опустилась поверх экрана, прижимая его к моим коленям.

— Никакой работы, Ксюша. Все протоколы — в понедельник. Ты вытащила нас на льду, теперь моя очередь закрыть тебя от мира.

Я взглянула в его спокойные серые глаза с паутинкой усталых морщинок у висков. В них было столько сдержанной нежности и мужской уверенности, что внутренний контроль растаял сам собой. Я убрала планшет на заднее сиденье.

Машина скользила по заснеженному асфальту, покидая черту города. Вскоре редкие фонари сменились глухой стеной темного хвойного леса. С озер налетел снежный заряд: встречная белая крупа превратилась в сплошную стену, а дорогу на подъеме замело свежими переметами.

На крутом вираже заднюю ось внедорожника слегка повело на скрытом льду. Я инстинктивно вжалась в кресло, пальцы сжались на дверной ручке: перед глазами на миг вспыхнул кошмар детства — крутящийся в кювете отцовский фургон.

Родион не сделал ни одного резкого движения. Он плавно выровнял ход, перевел трансмиссию в режим пониженной передачи и накрыл мои сжатые пальцы своей горячей ладонью:

— Я держу дорогу, Ксюш. Дыши. Со мной тебе ничего не угрожает.

Его тепло действовало как мгновенный релаксант. Спазм в груди отпустил.

На повороте к озерной просеке фары выхватили массивную сосновую ветвь толщиной с бревно, рухнувшую под тяжестью наста поперек колеи. Родион вышел в метель. Я наблюдала сквозь стекло, как он подошел к завалу, наклонился и с мощным выдохом оторвал ствол от земли — безупречная биомеханика работы широчайших и ягодичных мышц без осевого риска для поясницы. Он отволок полутораметровый ствол в кювет, затем ножом срезал пушистую верхушечную лапу, густо усыпанную каплями янтарной смолы, и протянул мне в салон:

— Держи. Запах настоящего дома.

Я прижала хвою к лицу, вдыхая горьковатый смолистый аромат. В салоне негромко заиграла акустическая гитара.

— Поспи, Ксюша. До озера сорок минут.

Я откинула спинку, укрылась его тяжелой шерстяной курткой и впервые за долгое время провалилась в безмятежный сон.

Проснулась я, когда мотор затих перед коваными воротами бревенчатой усадьбы среди вековых сосен. За деревьями серебрилась гладь замерзшего озера. На панели вспыхнул экран телефона — срочное письмо от секретариата Селезнева. Родион одним щелчком перевел оба аппарата в авиарежим и запер в бардачке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.